

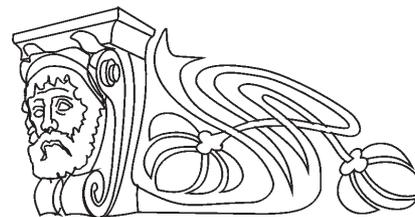

УДК 316.613

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС «Я» С ПОЗИЦИИ ФИЛОСОФИИ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

Ю. В. Ставропольский

Саратовский государственный университет
E-mail: StJulius@yandex.ru

В статье рассматривается предложенное Дж. Г. Мидом объяснение генезиса сознания и «я» через постепенное развитие в детстве способности принимать роль другого и визуализировать свое собственное поведение с точки зрения других.

Ключевые слова: «Я», объективный, субъективный, самосознание, роль, развитие.

Social Psychological Genesis of «Self» from the Standpoint of the Philosophy of Social Interactionism

Yu. V. Stavropolsky

This publication considers the explanation of the consciousness and «self» genesis offered by G. H. Mead through a gradual development during childhood of a capability to assume a part of the other and to visualize own behaviour from the viewpoint of the others.

Key words: «Self», objective, subjective, self-awareness, part, development.

Вслед за У. Джеймсом Дж. Г. Мид утверждает, что сознание должно пониматься как поток мышления, возникающий в динамическом отношении между человеком и его окружением, более конкретно – его социальным окружением¹. Опыт не является сначала индивидуальным, а потом социальным: каждый индивид непрерывно вовлечен в последовательность совместных предприятий с другими, из которых формируется его сознание. Сознание не данность, оно эмерджентно.

Среди наиболее значительных достижений Дж. Г. Мида – его объяснение генезиса сознания и «я» через постепенное развитие в детстве способности принимать роль другого и визуализировать свое собственное поведение с точки зрения других². С этой точки зрения, человеческая коммуникация становится возможной лишь тогда, когда «символ возбуждает в собственном “я” то, что он возбуждает в другом индивиде». У совсем маленьких детей еще нет способности пользоваться значимыми символами, поэтому, когда они играют, их поведение во многих отношениях похоже на поведение щенков, играющих друг с другом. Когда дети подрастают, они постепенно научаются принимать роль другого через игру. Тем самым ребенок культивирует в себе способность ставить себя на место другого, значимого для него. По мере взросления он становится способен не только

принимать эти роли через их проигрывание, но и постигать их, представляя в своем воображении. Решающей вехой в социальном развитии ребенка является переход: ребенок, показывая кому-либо картинку, отворачивает ее от себя, вместо того чтобы, как он делал это раньше, держать ее обращенной к себе в уверенности, что его партнер может видеть лишь то, что видит он сам.

Детская игра на уровне простого принятия ролей – это первая стадия постепенного преобразования: от простого сообщения через действия – ребенок убегает, когда его догоняют – до зрелой способности использовать значимые символы при интеракции со многими другими. Несмотря на то, что он научился ставить себя в воображении на место партнера, ребенок все еще не соотносит в своем сознании роли, которые играют другие, с кем-то другим вне самого себя. Таким образом, он понимает отношение матери или отца к себе, но не понимает, что его собственная мать – это в то же время не мать его отца. Такой прорыв в концептуализации приходит вместе со способностью играть в сложные организованные игры, когда ему придется удерживать в сознании все роли, которые играют другие, и оценивать их потенциальные реакции друг на друга. Подобные игры следует отличать от простых, таких как прятки, которые предполагают всего два типа ролевых партнеров, или игра в камешки, в которых актеры не изменяют игры друг друга и, следовательно, им не приходится предугадывать реакцию другого партнера. Но в игре, в которой множество индивидов играют различные роли, например в бейсболе, ребенок, принимающий одну роль, должен быть готов принять и другую. Это отличается не только от того, что Дж. Г. Мид называет словом «представлять» (play) – простая игра, не требующая принятия ролей, например, игра в камешки, но и от так называемой сложной игры (game).

Различие между двумя стадиями развития «я» – простой игрой (play) и сложной игрой (game) – определяется количеством участников и наличием либо отсутствием правил. В простой игре правил нет. Сложная игра имеет правила, но отличается количеством игроков: игры вдвоем требуют принятия простых ролей, игры с боль-

шим составом участников требуют принятия роли «генерализованного другого», т. е. того, чтобы у каждого игрока присутствовало представление о поведении каждого другого игрока по отношению друг к другу и по отношению к самому себе.

В простой игре ребенок просто принимает одну за другой роли тех людей и животных, которые тем или иным образом встретились в его жизни. Здесь видно ясно выраженное предположение установок других через самостимуляцию вокального жеста, поэтому в последующей жизни подобные жизненные установки становятся более сокращенными и труднее обнаруживаемыми.

В сложной игре ребенок становится, так сказать, всеми другими, подразумеваемыми в общей деятельности, и должен иметь внутри своего «я» целостную организованную деятельность для того, чтобы успешно играть (play) свою роль. Человек здесь не просто принимает роль конкретного другого, он обобщает отношение принятия роли. При помощи правил, управляющих игрой, ребенок развивает способность ставить себя на место всех других игроков и предвидеть их реакции. Эти правила представляют собой набор реакций, которые вызывает конкретная установка. Финальная стадия процесса созревания ребенка, утверждает Дж. Г. Мид, возникает тогда, когда индивид принимает роль «генерализованного другого» – установку целого сообщества.

Полностью зрелый индивид, по мнению учёного, не просто принимает во внимание установки других индивидов, «значимых других» по отношению к себе и по отношению друг к другу, он должен также принять их установки по отношению к различным фазам и аспектам совместной социальной деятельности. Через правила игры ребенок знакомится с социальным принуждением и с прочной тканью более взрослой реальности. Следовательно, зрелое «я» возникает тогда, когда «генерализованный другой» интернализирован настолько, что сообщество осуществляет управление поведением своих индивидуальных членов.

Тем самым, по мнению Дж. Г. Мида, благодаря способности принимать роли, «я», которое развивается постепенно – через поступательное расширение объема человеческой вовлеченности, нельзя считать просто телесным³. Это, скорее, социальная целостность, возникающая в социальном процессе развития – от простого общения через действия к процессу идентификации с «генерализованным другим».

Сущность «я», по Дж. Г. Миду, это рефлексивность. Индивидуальное «я» индивидуально лишь из-за своего отношения к другим. Благодаря индивидуальной способности представлять в своем воображении установки других, «я» становится объектом своей собственной рефлексии. «Я» и как субъект, и как объект является сущностью социального бытия. Конкретная индивидуаль-

ность каждого «я» есть результат конкретной комбинации отношений других, которая никогда не бывает тождественной у двух людей, из таких комбинаций формируется генерализованное «я». Следовательно, несмотря на то, что индивидуальность коренится в социальности, каждый человек вносит индивидуальный вклад в социальный процесс.

Дж. Г. Мид пытался сделать свои взгляды более ясными за счет разграничения между субъективным «я» (I) и объективным «я» (me). И субъективное «я» (I), и объективное «я» (me) необходимо соотносены с социальным опытом. Но субъективное «я» – это реакция индивида на отношение со стороны других, а объективное «я» – это организованный комплекс отношений со стороны других, предполагаемый индивидом. Отношения других образуют организованное объективное «я», а затем индивид реагирует на объективное «я» из положения субъективного «я». В положении объективного «я» человек осознает себя объектом: он реагирует на самого себя в смысле отношений со стороны других людей к нему. Его самооценка является результатом того, как, по его мнению, его оценивают другие. Объективное «я» – это «я», постигаемое и понимаемое на языке точки зрения значимых других и общества вообще. Оно отражает законы и мораль, организованные коды и экспектации сообщества. Субъективное «я», напротив, – ответ, который индивид дает на отношение со стороны других к нему, когда он решает относиться к ним определенным образом. Субъективное «я» дает ощущение свободы, инициативы. То, что представляется в сознании, – это всегда «я» как объект, как объективное «я», но не воспринимается без субъективного «я» как уникальный субъект, для которого объективное «я» может быть объектом. Субъективное «я» и объективное «я» не идентичны, потому что «я» невозможно полностью просчитать, это всегда нечто отличное от того, чего требует ситуация как таковая.

Индивиды от рождения имеют определенную национальность, локализованную в определенной географической точке, определенные семейные отношения и некоторые политические отношения. Все эти отношения репрезентируют некую ситуацию, которая образует объективное «я» (me), с необходимостью предполагая непрерывное действие в направлении «себя». Люди рождаются в социальных структурах, которые созданы не ими, они живут в институциональном и социальном порядке, который создали не они, их ограничивают языки, коды, обычаи и законы. Все это входит в объективное «я» в качестве образующих элементов, однако субъективное «я» (I) всегда реагирует на предрешенную ситуацию уникальным образом. «Я» (self) как целое, как оно представлено в социальном опыте, составлено из стабилизированных

отношений генерализованных других в объективном «я» и в непредсказуемой спонтанности субъективного «я». Вот почему «я» как целое остается открытым. Если бы оно не имело этих двух аспектов, то не могло бы быть сознаваемой ответственностью, и в опыте ничего бы не было. Дж. Г. Мид ценил автономию личности, но видел ее как возникающую из обратной связи, а не из попыток изолировать себя от других. Человеческие акторы с неизбежностью вовлечены в социальный мир, но зрелое «я» преобразует этот мир, даже если только реагирует на него.

Исследователь довольно неоднозначно определяет социальные акты: иногда он трактует их как предполагающие сотрудничество между акторами; в другом месте – как о конкурентных и конфликтных интеракциях. Очевидно, он хотел сказать, что социальные акты не ограничены лишь сотрудничеством, а социальное действие всегда основано на объекте совместной заинтересованности всех вовлеченных индивидов. Конфликт и конкуренция, а также кооперативное поведение могут в равной мере рассматриваться как социальное действие до тех пор, пока они предполагают взаимную ориентацию акторов друг на друга. Для Дж. Г. Мида, как и для Г. Зиммеля, конфликт и сотрудничество коррелируют друг с другом: ни одно общество не может существовать без них.

Ч. Моррис отмечал, что как философ Дж. Г. Мид был прагматиком, как ученый – социальным психологом. Философская задача прагматизма заключалась в переинтерпретации понятия сознания и интеллекта на языках биологии, социологии и психологии, опираясь на постдарвиновские течения мысли⁴. Эмпирический натурализм, основанный на биологических, психологических и социологических данных, рассматривает мыслящего человека в естественном состоянии и стремится избегать дуализма сознания и материи, опыта и природы, философии и науки, телеологии и механицизма, теории и практики. Дарвинизм, экспериментальный метод и демократия – вот потоки, образующие прагматическое течение.

Наиболее стабильным результатом прагматической деятельности, по признанию Ч. Морриса, оказывается ее теория интеллекта и сознания в работах Дж. Г. Мида и Джона Дьюи. Оба взаимно обогащают друг друга, и если Д. Дьюи создает перспективу и картину, то Дж. Г. Мид придает ей аналитическую глубину и научную точность. Дж. Г. Мид немного прибавил к корпусу фактов социальных наук, но к идеационной и концептуальной структуре он прибавил многое.

Дж. Г. Мид не был простым последователем Г. Тарда или Дж. Болдуина, или Ч. Кули, или В. Вундта. Всех их он критиковал за то, что они не в полной мере объясняли, каким образом сознание и «я» возникают в поведении. Эта критика касается двух аспектов: 1) все они предполагали

антецедентно существующее сознание и «я», участвующее в совершающемся социальном процессе; 2) даже в отношении к фазам сознания или «я», которые они пытались объяснить социальным образом, они не сумели выделить задействованный механизм. Дж. Г. Мид пытался показать, что сознание и «я» без остатка возникают из общества и что язык в форме вокальных жестов создает механизм для их возникновения. Посредством языка социально формируется сознание и возникает «я», которое осознает себя как объект. По признанию Ч. Морриса, работа Дж. Г. Мида знаменует собой начальную стадию действительного рождения социальной психологии как науки. Проблема того, каким образом сознание и «я» возникают в процессе поведения, решена Дж. Г. Мидом в биосоциальном смысле. Акт индивида рассматривается внутри социального акта, психология и социология объединены на биологической основе, социальная психология основывается на социальном бихевиоризме. В этом смысле Дж. Г. Мид пытался решить главную проблему, поставленную эволюционистскими концепциями: как заполнить разрыв между импульсом и рациональностью, как биологический организм приобретает способность к самосознанию, к мышлению, к абстрактному рассуждению, к целенаправленному поведению, к приверженности морали, коротко говоря, проблему того, каким образом возникает рациональное животное – человек.

Бихевиоризм значил для Дж. Г. Мида не отрицание частного и не игнорирование сознания, но подход ко всем переживаниям с позиций поведения. Это – бихевиоризм в широком смысле, в отличие от бихевиоризма Д. Уотсона (хотя сам Дж. Г. Мид и не употреблял термина «социальный бихевиоризм»). Бихевиоризм Д. Уотсона методологически упрощен для целей первичного лабораторного исследования. Бихевиоризм Дж. Г. Мида ассимилирует многое из психоанализа, гештальт-психологии и экзистенциальной психологии. Базовое различие между бихевиоризмом Д. Уотсона и социальным бихевиоризмом Дж. Г. Мида заключается в том, что уотсонизм отрицает частный опыт и лишает сам «опыт» какого-либо смысла, не содержащегося в «реагировании». Дж. Г. Мид, как выше отмечалось, не отрицал частного. Частное может быть определено лишь по отношению к тому, что есть общее, в частном опыте есть дериват от социального объекта. Для различных наблюдателей мир общего, или социального опыта существует в символически сформулированном виде. Базовой данностью для наблюдателя является тот мир, в котором другие «я» и объекты обладают той же самой непосредственной доступностью, что и сам наблюдатель (полнота доступности может быть разной). Поскольку опыт имеет социальное изме-

рение, поскольку наше «я» дано нам в одном поле с другими «я», то Дж. Г. Мид начинает с социального акта и строит свою социальную психологию на фундаменте бихевиоризма. Получающаяся в результате богатая и более адекватная концепция бихевиоризма приобретает особую важность для социальной психологии.

Преобразование биологического индивида в обладающего сознанием или «я» происходит, по мысли Дж. Г. Мида, благодаря языку, а он, в свою очередь, предполагает существование определенного вида общества. Минимальное общество должно состоять из индивидов, участвующих в социальном акте и использующих начальные этапы действий друг друга в качестве жестов, т. е. в качестве указаний на выполнение данного акта. При «диалоге жестов» в собачьей драке каждая собака определяет свое поведение на языке того, что начинает делать другая собака, и то же самое можно утверждать в отношении боксера, фехтовальщика и цыпленка, который бежит к курице, когда курица кудахчет. Такое действие есть тип коммуникации: в определенном смысле жесты являются символами, поскольку они указывают, заменяют собой и являются причиной действия, соответствующего поздним стадиям акта (ранними фрагментами которого они являются), и вторичным образом – соответствующего объектам, подразумеваемым в таких актах. В том же самом смысле можно сказать, что жесты обладают смыслом, а именно – они означают поздние стадии совершаемого акта и вторичным образом – подразумеваемые объекты: сжатый кулак означает удар, вытянутая рука означает, что к объекту тянутся. Такие смыслы не субъективны, не частны, не ментальны, но объективно находятся в социальной ситуации.

Тем не менее этот тип коммуникации не является собственно языковым, смыслы еще не находятся в сознании, биологические индивиды еще не являются социально общающимися личностями; для этого смыслы и жесты должны стать значимыми символами. Индивид должен знать, что он хочет выразить, должен быть способен интерпретировать смысл своих собственных жестов. На языке бихевиористов это значит, что биологический индивид должен быть способен вызвать в себе реакцию, которую его жест вызывает в другом, и употребить эту реакцию другого для управления своим собственным поведением. Такие жесты суть значимые символы, благодаря их употреблению индивид «принимает роль другого» при регулировании своего собственного поведения: человек есть по своей сути принимающее роль животное.

В качестве примера значимого символа Дж. Г. Мид обращается к ситуации, в которой в переполненном зрителями театре, когда виден дым, раздается крик: «Пожар!» Непосредствен-

ное произнесение звука было бы просто частью инициированного акта и, в лучшем случае, было бы незначимым символом. Но когда крик: «Пожар!» воздействует на индивида так же, как он воздействует на других, и вызывает реакцию в смысле этих воздействий, вокальный жест становится значимым символом. Индивид осознает, что он собирается делать, он находится на стадии истинного языка, перейдя к ней от неосознанной коммуникации, теперь про него можно сказать, что он употребляет символы, а не просто знаки, теперь он приобрел сознание.

В поисках жестов, способных стать значимыми символами и преобразующих индивида в обладающую сознанием личность, Дж. Г. Мид приходит к вокальным жестам. Ни один другой жест не влияет на самого индивида таким же образом, каким он влияет на других. Мы слышим, что мы говорим как другие, но не видим выражения своего лица и обычно не видим своих собственных действий. Для Дж. Г. Мида вокальный жест есть истинный источник языка и всех производных форм символизма, а также сознания.

Сознание есть присутствие в поведении значимых символов. Это интернализация индивидом того социального процесса коммуникации, в котором возникает смысл. Это способность указать своему «я» ту реакцию (и подразумеваемые объекты), на которую свой собственный жест указывает другим, и управлять этой реакцией. Значимый жест сам по себе часть социального процесса, он интернализирует и делает доступным для биологического индивида те смыслы, которые сами возникают на ранних, незначимых стадиях коммуникации через жесты. Вместо того, чтобы начать с индивидуального сознания и прийти к обществу, Дж. Г. Мид начинает с объективного социального процесса и движется внутрь через привнесение в индивида социального процесса коммуникации посредством вокального жеста. Далее индивид интрацептирует социальный акт внутрь себя. Сознание остается социальным. Такovým оно остается даже на внутреннем форуме, разработанная таким образом мысль продолжается благодаря нашему усвоению ролей других и управлению собственным поведением, в смысле принятия ролей.

Из всех животных только человек совершил переход от импульса к рациональности, т. е. к значимым символам, а не просто к знакам. Возможно, только человеческий организм обладает таким неврологическим устройством, которое требуется для значимого символа. Дж. Г. Мид говорит о темпоральном измерении нервной системы человека – способности медленно развивающегося акта быть управляемым в своем развитии теми актами, которые он сам инициирует (управление «через будущее»). Темпоральное измерение позволяет управлять жестом, учитывая последствия

его совершения, позволяет только человеческому животному, и больше никому, переходить от уровня диалога жестов на уровень значимых языковых символов. Отсутствие темпорального измерения препятствует тому, чтобы говорящие птицы говорили по-настоящему. Темпоральное измерение вкупе с тем местом, которое занимает человеческая рука в выделении физического объекта, образует органическую основу, детерминирующую биологическую дифференциацию человека и животных. Благодаря той же самой функции языка данная теория делает возможным возникновение «я». Действительно, личность, «я», сознание предполагают существование друг друга.

После того как все установки других – какими бы специфическими или генерализованными они ни были – организованы и приняты внутрь личности, образуя объективное «я», еще нельзя сказать, что это все, что образует «я», поскольку в нем не остается места для креативной и реконструктивной деятельности. Такое «я» есть не что иное, как простое отражение. Полное «я» понимается Дж. Г. Мидом как субъективное «я» (I) и объективное «я» (me). Субъективное «я» есть принцип действия и импульса, и в своем действии оно изменяет социальную структуру. Каждое действие индивида на неязыковом или на языковом уровнях коммуникации в некоторой степени изменяет социальную структуру, в большей части – незначительно, существенно – в случае гения или лидера. Как говорил Дж. Г. Мид о взглядах Д. Дьюи, индивид не есть раб общества,

он образует само общество так же, как общество образует индивида.

Благодаря интернализации, или внутреннему усвоению социального процесса коммуникации индивид обретает механизм рефлексивного мышления (способность направлять свои действия, предвидя последствия альтернативных действий) и способность становиться своим собственным объектом, тогда он становится моральным индивидом, импульсивные цели которого преобразованы в сознательно преследуемые – обдуманые.

Исследование выполнено в рамках проекта «Психозоциальные проблемы трудовой миграции и адаптации этнических мигрантов» при поддержке гранта РГНФ (№ 10-06-01303 а/Б).

Примечания

- ¹ См.: Mead G. H. Social Consciousness and the Consciousness of Meaning // Psychological Bulletin. 1910. № 7. P. 397 – 405 ; Mead G. H. Mind, Self & Society. Chicago, 1934. 440 p.
- ² См.: Mead G. H. The Child and the Environment // Transactions of the Illinois Society for Child-Study. 1898. № 3. P. 1–11 ; Mead G. H. Mind, Self & Society.
- ³ См.: Mead G. H. The Social Self // J. of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1913. № 10. P. 374–380.
- ⁴ См.: Morris C. W. George H. Mead as Social Psychologist and Social Philosopher // Mead G. H. Mind, Self & Society. P. IX–XXXV.